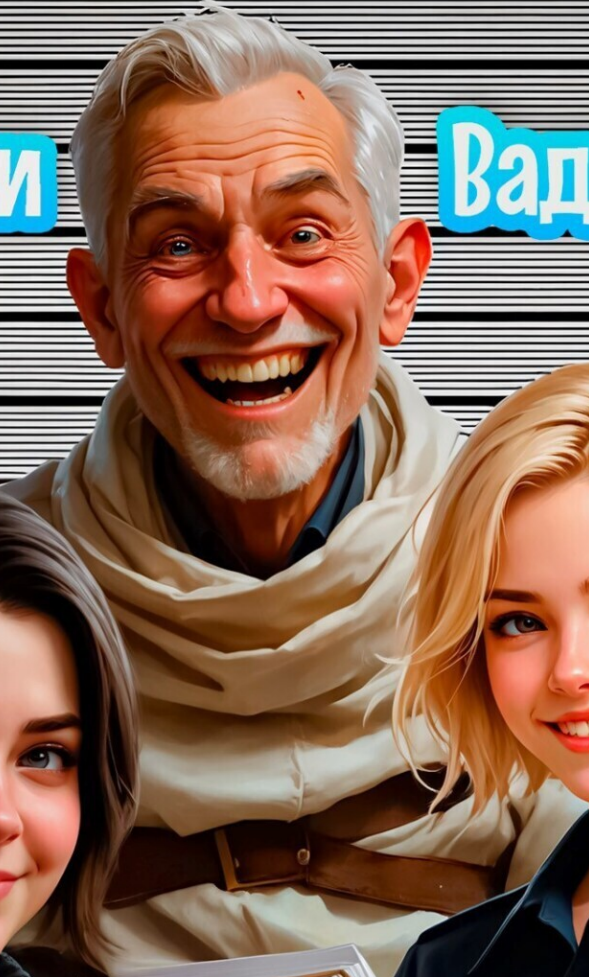

220
210
190
180
170
150
150
140
130
120
110
100

220
210
190
180
170
160
150
140
130
120
110
100

Ольга Риви

Вадим Фарг

Майор, стажёры
Нулевой и пациент

Майор и стажёры

Вадим Фарг

**Майор, стажеры
и нулевой пациент**

«Автор»

2026

Фарг В.

Майор, стажеры и нулевой пациент / В. Фарг — «Автор»,
2026 — (Майор и стажёры)

Очередная история о столкновении поколений, аналоговой «чуйки» и цифровых технологий, едкого цинизма и наивного энтузиазма. Героям предстоит сражаться в мире, где главный враг — хитроумные преступники, горы бумаг, некомпетентное начальство и всепобеждающий абсурд. Смогут ли эта команда снова найти здравый смысл там, где его отродясь не было, и доказать, что даже в самом сером болоте бюрократии есть место для иронии, справедливости и, как ни странно, человечности?

© Фарг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро в морге, звонок из дурдома	5
Глава 2. Гнев Сидорчука, или рифма к слову «премия»	9
Глава 3. Версия Лизы: Проклятие сестры-садистки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Риви, Вадим Фарг

Майор, стажеры и нулевой пациент

Глава 1. Утро в морге, звонок из дурдома

Говорят, утро хорошего следователя начинается с запаха свежесваренного кофе. Моё утро, как и большинство предыдущих, началось с запаха формалина и холодного, как сердце моего начальника, металла. Я стояла в городском морге, склонившись над очередным «клиентом», и с тоской заполняла бесконечные бумаги. Гражданин Ларин, сорока двух лет от роду, накануне вечером решил, что медный кабель с действующей подстанции – это его билет в безбедную жизнь. Он не учёл одного маленького нюанса: кабель был под напряжением и имел на этот счёт собственное, весьма категоричное мнение. В итоге Ларин стал неотъемлемой частью городской электросети. Короткая, но, без сомнения, яркая карьера.

– Ну что, гражданин, доигрался в Теслу? – пробормотала я, ставя размашистую подпись на акте. – Глухарь, конечно, но бумажки требуют жертв. А начальство требует бумажек. Круговорот идиотизма в природе.

Мобильный, сиротливо брошенный на соседний стальной стол, зажужжал с настойчивостью дятла, долбящего вековой дуб. На экране высветилось: «Иван Семёныч Главврач». Я тяжело вздохнула. Звонки от главврача городской больницы № 3 никогда не сулили ничего хорошего. Обычно это означало, что какой-нибудь дедушка с деменцией сбежал в пижаме грабить ларёк, или медсестра в процедурном кабинете перепутала спирт для уколов со спиртом для внутреннего употребления.

– Истомина слушает, – буркнула я в трубку, уже предвкушая головную боль.

– Светлана Игоревна! Слава богу, вы ответили! У нас ЧП! Кошмар! – задыхался на том конце провода голос главврача, срываясь на фальцет.

– Иван Семёныч, вы опять коньяк с валерьянкой мешаете? Успокойтесь, сделайте глубокий вдох и докладывайте по существу. Кто-то умер не по расписанию?

– Хуже! Третье терапевтическое... они все... они все говорят стихами!

Я на секунду замолчала, пытаюсь переварить услышанное. Потом медленно закатила глаза так, что, кажется, увидела собственный уставший мозг.

– Стихами? Иван Семёныч, у меня тут труп. Он молчит. И это прекрасно. Учитесь у лучших. Может, у вас там кружок литературный открылся? День поэзии в честь полнолуния?

– Какая, к чёрту, поэзия! – взвизгнул он в трубку. – Это заразно! Они не могут остановиться! Медсёстры тоже заразились! У нас работа парализована! Медсестра не может укол поставить, потому что пытается подобрать рифму к слову «ягодица»!

На фоне его отчаянных причитаний я вдруг отчётливо расслышала стройный, заунывный хор, доносящийся будто из преисподней:

– Мы лежим тут в карантине, словно шпроты в магазине!

– Нам уколы не нужны, наши помыслы нежны!

Я замерла. Это было уже не смешно. Вернее, это было настолько абсурдно, что переходило в категорию «срочно нужен отпуск, желательно в тайге, без людей».

– Еду, – коротко бросила я и сбросила вызов, не дожидаясь новых поэтических открытий.

Похоже, морг – не самое безумное место в этом городе.

* * *

Мой кабинет встретил меня привычным уютом казённого склепа: продавленное кресло, которое помнило ещё Брежнева, горы бумаг на столе, грозящие обрушиться лавиной, и двое моих персональных наказаний, присланных полковником Сидорчуком в качестве «усиления». Стажёры. Детский сад на выезде.

Коля Лебедев, как и всегда, в свойственной ему манере вселенского пофигизма, беззастенчиво развалился в кресле для посетителей, закинув ноги в модных кроссовках на мой стол. Капюшон тёмной толстовки был натянут на самые глаза, в ушах торчали наушники, а на коленях покоился ноутбук, который стоил, наверное, как моя «Нива». Он оторвал взгляд от экрана и лениво кивнул.

– Майор. Выглядите так, будто видели призрак коммунизма.

– Хуже, Коля. Я слышала его последователей, – мрачно ответила я, бросая папку на единственный свободный клочок стола.

– Светлана Игоревна, доброе утро! Уже есть новое дело? Интересное? – тут же подскочила со своего стула Лиза Сафонова. Тоненькая, как спичка, в идеально выглаженной форме, которая была ей велика на два размера, она смотрела на меня с щенячьим восторгом. В её огромных глазах плескался такой неуместный энтузиазм, что им можно было бы освещать наш Подольск во время плановых отключений электроэнергии.

Я устало опустилась в своё кресло, которое жалобно скрипнуло, будто разделяя мою боль.

– Есть, Лиза. Дело государственной важности. У нас массовое помешательство в третьей терапевтической. Диагноз – острая рифмованная недостаточность головного мозга.

Коля лениво вытащил один наушник.

– В смысле?

– В прямом. Всё отделение, включая врачей и пациентов, внезапно заговорило стихами.

Лиза ахнула, её глаза загорелись ещё ярче, если это вообще было возможно. Она схватила свой пухлый блокнот, который был её продолжением.

– Массовый психоз! Я читала об этом! Или... это неизвестный вирус, поражающий речевые центры! А может, это дело рук нового гениального маньяка, который гипнотизирует своих жертв с помощью звуковых частот? Хроно-поэт! Он заставляет их говорить в рифму, чтобы передать какое-то зашифрованное послание всему городу!

– Ага, – хмыкнул Коля, даже не подумав убрать ноги со стола. – А гусь Геннадий был агентом Моссада. Может, им в компот что-то подмешали? Или вай-фай роутер облучает их волнами графомании? Сейчас пробью больничные поставки и схему вентиляции.

– Так, детский сад, притормозите, – я потёрла виски, чувствуя, как лопается очередной капилляр. – Мне всё равно, хоть нашествие муз-мутантов с планеты Нибиру. Главное, чтобы в рапорте для Сидорчука это звучало убедительно и не требовало моего личного участия. Соберайтесь. Поедем посмотрим на этот вертеп. Коля, бери свою шарманку, будешь искать там цифровых призраков. Лиза, блокнот оставь, а то ещё заразишься и начнёшь протоколы в ямбе писать. Нам только этого не хватало для полного счастья.

Они оба вскочили, готовые к действию. Один – с холодным, сосредоточенным азартом охотника, выслеживающего добычу в дебрях кода, другая – с горячим энтузиазмом курсанта, впервые увидевшего настоящий труп. А я... я просто хотела, чтобы этот день закончился. Но моя старенькая «Нива» уже ждала под окнами, рыча и отплёвываясь выхлопными газами, готовая везти нас навстречу очередному городскому безумию. И что-то мне подсказывало, что сегодня оно будет особенно изысканным.

* * *

Моя «Чёрная молния» с натужным, предсмертным кашлем выплюнула нас на больничную парковку и окончательно заглохла. Последний звук, который она издала, был похож на вздох старика, смирившегося с неизбежным. Я похлопала ладонью по потрескавшейся приборной панели. «Держись, подруга, нам ещё до пенсии дотянуть надо».

Здание городской больницы № 3 нависало над нами, как огромный бетонный надгробный камень. Унылая серая коробка эпохи застоя, от одного взгляда на которую хотелось немедленно оформить завещание. Воздух здесь всегда был пропитан особым коктейлем из запаха безнадёги, выхлопных газов и чего-то неуловимо лекарственного. Но сегодня к этому букету отчётливо примешивалась густая нотка коллективной истерии, которую можно было почти потрогать.

Третье терапевтическое отделение мы нашли без труда. Его было видно издалека по натянутой поперёк коридора красно-белой ленте, которая выглядела так, будто её украли с детского утренника. По обе стороны от этого хлипкого рубежа застыли две фигуры в полицейской форме. Мои любимцы. Легенды нашего отдела, ходячая катастрофа, дуэт «Орлы» – сержанты Петров и Баширов.

Петров, молодой, пышущий здоровьем и румяный, как пирожок с капустой, стоял навытяжку. Весь его вид кричал о том, что он находится на посту государственной важности, защищая мир от неведомой угрозы. Баширов, который был постарше и гораздо опытнее в искусстве имитации бурной деятельности, картинно прислонился к стене, изображая на лице вселенскую скорбь и усталость от бремени службы.

– Товарищ майор! – браво отрапортовал Петров, делая шаг вперёд и преграждая нам путь. – Дальше проход воспрещён! Отделение оцеплено!

– Вижу, Петров, не слепая, – я смерила взглядом ленточку. Один её конец был небрежно привязан к дверной ручке, а другой – к полумёртвому фикусу в кадке, который, казалось, уже сам готовился стать пациентом. – Что у вас тут стряслось? Утечка радиации? Биологическая угроза? Забежал особо опасный пациент с клизмой наперевес?

– Хуже! – трагическим шёпотом вмешался Баширов, отлепляясь от стены и делая страшные глаза. – Гораздо хуже, товарищ майор. Графомания!

За моей спиной Коля издал сдавленный смешок, а Лиза, наоборот, подалась вперёд, широко раскрыв глаза, словно боялась пропустить начало самого захватывающего сериала в её жизни.

– Повтори, Баширов, я, кажется, ослышалась, – я приложила руку к уху. – Чем-чем вы тут заразились? Чернилами из шариковой ручки отравились?

– Оно по воздуху передаётся, – с непоколебимой убеждённой вставил Петров. – Нам главврач как инструктаж провёл, так мы теперь дышим через раз. Сказал, близко не подходить, в разговоры не вступать, а если что – сразу вызывать подмогу и санитаров с вязальными спицами. Ой, то есть со смирительными рубашками.

Я обошла их и подошла к большой стеклянной вставке на двери, чтобы заглянуть внутрь. За ней простирался самый обычный больничный коридор со стенами цвета застарелой желтухи и тускло мерцающими под потолком люминесцентными лампами. Но то, что там происходило, было далеко от нормы.

По коридору, толкая перед собой дребезжащую тележку с лекарствами, плыла грузная медсестра в накрахмаленном чепчике. Она остановилась у одной из палат и зычно, как глашатай на площади, провозгласила:

– Эй, больной, штаны спустите и в стаканчик напустите! Ждёт вас важный ритуал, чтоб я сделала анализ!

Из палаты донёлся страдальческий мужской голос, отвечавший ей то ли хореем, то ли ямбом, я в этих тонкостях не сильна:

– Я б налил, да нету мочи, рифмы мучают все ночи! Вы, сестричка, не кричите, лучше просто помолчите!

Медсестра всплеснула руками и покатила тележку дальше, что-то бормоча себе под нос про неблагодарных пациентов и трудности подбора рифмы к слову «урология». Из другой палаты донёлся жалобный стон: «Подают нам на обед не котлету, а сонет!». Воздух, просачивающийся через щели, был густым и тяжёлым. Это был тот самый коктейль из хлорки и вселенской тоски, но теперь в нём отчётливо чувствовалась приторная примесь графоманского абсурда.

– Невероятно! – выдохнула Лиза у меня за спиной. Её глаза горели почти безумным огнём энтузиазма. – Это же классический случай массового психоза на почве культурного кода! Как в 12-й серии «Ментальных лабиринтов»! Профессор Штейнгольц называл это «поэтической индукцией»! Архетип поэта, подавленный в коллективном бессознательном, вырвался наружу под воздействием неизвестного катализатора!

Она лихорадочно застрочила в своём пухлом блокноте, который, конечно же, притащила с собой. Я на секунду представила, как она будет писать рапорт в стихах, и меня передёрнуло от ужаса.

– Ага, – лениво протянул Коля. Он уже успел беззастенчиво развалиться на больничной банкетке, прислонившись к стене. – А может, им просто в вентиляцию что-то пустили. Галлюциногены, споры весёлых грибов, неудачный эксперимент военной лаборатории. Сейчас проверю схему коммуникаций и последние поставки медикаментов. Это как-то более вероятно, чем пробуждение «подавленного архетипа».

Он брезгливо поморщился, кивнув в сторону двери. Было видно, что вся эта нецифровая, иррациональная и абсолютно нелогичная суета вызывает у него физическое отвращение.

Я посмотрела на своих стажёров. Живое воплощение двуглавого орла с нашего герба: одна голова витает в астрале, другая – в облачных хранилищах. А туловище, то есть я, пытается как-то удержать эту странную конструкцию на грешной земле.

– Так, детский сад, закончили прения, – я устало потёрла переносицу. – Лиза, твою гениальную теорию про коллективное бессознательное мы рассмотрим сразу после версии про инопланетное вторжение и заговор масонов. Коля, копай. Ищи всё, что выглядит подозрительно: еда, лекарства, визиты странных личностей с банджо. Мне нужна зацепка, которую можно пощупать и подшить в дело, а не вот это вот всё.

Я махнула рукой в сторону двери, за которой очередной пациент пытался объяснить медсестре симптомы своей болезни, жестикулируя руками.

– А мы пока наведемся к главврачу. Нужно опросить «нулевого пациента», если он, конечно, существует и не вещает прозу Гомера в оригинале. Петров, Баширов, вы на стрёме. Если кто-то из этих... поэтов, попытается прорвать оцепление, действуйте по обстановке. Но умоляю, без стрельбы. Нам ещё трупы в рифму описывать не хватало.

– Есть, товарищ майор! – снова гаркнул Петров, выпятив грудь.

Баширов лишь молча кивнул, с опаской поглядывая на дверь, будто оттуда в любой момент мог выскочить лично Пушкин и заставить его сдавать экзамен по «Евгению Онегину».

– Пошли, – бросила я стажёрам, направляясь по коридору. – Найдём главного сумасшедшего в этом дурдоме. И я сейчас не про пациентов.

Глава 2. Гнев Сидорчука, или рифма к слову «премия»

Кабинет главврача Ивана Семёновича напоминал склеп, в котором похоронили чьи-то надежды на светлое будущее советской медицины. Тяжёлый, как надгробная плита, дубовый стол мог устоять после прямого попадания метеорита и «праведного» гнева самого полковника Сидорчука. На стенах, вперемешку с пожелтевшими грамотами «За вклад в развитие чего-то там», сурово взирали друг на друга Дзержинский и Семашко. Железный Феликс, казалось, безмолвно спрашивал у наркома здравоохранения: «Расстрелять или лечить?». В углу, роняя на затёртый паркет сухие, скорбные листья, медленно совершал самоубийство казённый фикус.

Сам Иван Семёныч, грузный мужчина с лицом, достигшим оттенка «предсмертный баклажан», метался по этому мавзолею, как тигр в клетке. Его дорогой галстук съехал набок, на высоком лбу блестела испарина, а левый глаз дёргался в собственном, не поддающемся контролю ритме.

– Этот случай – просто мрак, попадёт нам всем впросак! – выпалил он, едва мы переступили порог, и тут же осёкся, испуганно глядя на нас. – Вот, опять! Оно само! Я не контролирую! Светлана Игоревна, голубушка, спасайте! Меня же в это самое отделение и упекут, к моим же рифмоплётам!

– Успокойтесь, Иван Семёныч, – я устало опустила на стул для посетителей, который издал такой страдальческий скрип, что я невольно ему посочувствовала. – Дышите глубже. И желательно молча. Давайте по порядку. Когда начался этот ваш поэтический утренник?

Коля не спрашивая разрешения, беззастенчиво развалился в массивном кожаном кресле у окна, которое, видимо, предназначалось для особо важных гостей. Он тут же водрузил на колени свой навороченный ноутбук и натянул капюшон почти на самые глаза, всем своим видом показывая, что окружающая реальность его интересует меньше, чем курс биткоина. Лиза, наоборот, присела на самый краешек стула рядом со мной. Её пухлый блокнот уже был раскрыт, а ручка занесена над листом. Совещание в дурдоме. С одной стороны – сеанс спиритизма от Лизы, с другой – хакерская атака от Коли. А посередине я, с единственным приземлённым желанием – выпить хоть чего-нибудь, что по вкусу не напоминает разбавленный аспирин.

Главврач, уловив мой взгляд, протянул мне дрожащей рукой бумажный стаканчик с коричневой жидкостью. Я сделала глоток. Нефть с привкусом разочарования. Гадость редкостная, но хотя бы горячая.

– Всё началось сегодня утром, – затараторил Иван Семёныч, понизив голос до трагического шёпота. – В семь утра обход, и все как один... Сначала бабка из третьей палаты, божий одуванчик, пожаловалась на запор в виде элегии на три страницы. Потом дед из пятой, ветеран-авганец, потребовал судно в форме сонета, угрожая персоналу ямбом. А к восьми уже всё отделение... щебетало. И медсёстры тоже! Наша старшая, Зинаида Павловна, женщина-скала, весьма поэтично отчитала санитарку за пыль на подоконнике, не скупясь на выражения! Я их запер, оцепил и вызвал вас. Что мне делать?

В этот момент Лиза, которая до этого сидела с горящими от энтузиазма глазами и впитывала каждое слово, не выдержала.

– Это же очевидно! – она вскочила, взмахнув блокнотом, как революционер знаменем. – Это спонтанное проявление коллективного бессознательного! Я читала монографию профессора Циммермана! Скорее всего, вчера была мощная геомагнитная буря, которая совпала с пиком солнечной активности. Это открыло портал, или, вернее, канал, по которому в ноосферу нашего города прорвался архетип поэта-пророка! Люди стали ретрансляторами высших вибраций!

Иван Семёныч посмотрел на неё с таким откровенным ужасом, будто она только что предложила лечить перелом клизмой. Я сделала ещё один глоток омерзительного кофе, чувствуя, как мой мозг начинает сворачиваться в трубочку.

– Лиза, сядь. И закрой портал, дует.

– Ага, – раздался ленивый голос Коли от окна. Он даже не оторвался от экрана, по которому с головокружительной скоростью бежали зелёные строчки кода. – А гусь Геннадий был агентом Моссада. Я прогнал по базам все поставки еды и медикаментов в больницу за последние сутки. Никаких аномалий. Всё штатно, скучно и произведено в Мытищах. Проверил больничный вай-фай, просканировал эфир на наличие посторонних сигналов, инфразвука и прочей эзотерики – чисто. Если это и вирус, то он не цифровой.

Он на секунду поднял на нас глаза. В них плескалась вселенская скука.

– Хотя, есть одна теория. Вентиляция. Судя по схемам, она тут со времён царя Гороха, общая на всё крыло. Если кто-то что-то распылил у заборника... Но что? Веселящий газ? Споры грибов, вызывающие тягу к прекрасному? Звучит как бред сивой кобылы, но это единственный физический путь распространения.

– Спасибо, Коля, хоть одна здравая мысль за утро, – я поставила пустой стаканчик на стол. – Так, детский сад, слушай мою команду. Закрыли тему с астралом, ноосферой и прочими нематериальными активами. Мне в рапорте Сидорчуку нужна фактура. Что-то, что можно пощупать, освидетельствовать и приложить к «делу». Поэтому ищем что-то реальное. Отравление, неизвестный наркотик, деятельность религиозной секты «Свидетели Пушкина» или «Адепты Серебряного века», неудачный корпоратив в морге – мне всё равно. Главное, чтобы у этого была причина и, желательно, виновник.

Я повернулась к главврачу, который уже почти успокоился и теперь просто тихонько покачивался, глядя в одну точку, словно китайский болванчик.

– Иван Семёныч, мне нужен полный список всех, кто находится в отделении. Пациенты, врачи, медсёстры, санитарки. И список всех, кто входил и выходил оттуда за последние двадцать четыре часа. Посетители, курьеры, сантехник дядя Вася, который приходил чинить унитаз. Все до единого.

– Я... я сейчас всё принесу... – пробормотал он, с опаской подбирая рифму. – Лишь бы не было эксцесса... в этом всём процессе...

Он снова схватился за голову и пулей вылетел из кабинета.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на своих стажёров. Один копается в цифровых кишках больницы, другая пытается вызвать дух Бродского. А внизу, в оцепленном отделении, десятки людей страдают поэтическим несварением. И что-то мне подсказывало, что разгадка этого ребуса будет такой же абсурдной, как и его начало. Главное, чтобы она вообще была. Иначе мне придётся писать объяснительную полковнику Сидорчуку. А подобрать цензурную рифму к его фамилии было задачей посложнее, чем найти источник этой заразы.

* * *

Не успел главврач испариться из кабинета, оставив после себя лишь лёгкое облачко вальерьянки и тяжёлое ощущение вселенской паники, как хрупкое подобие тишины было разорвано в клочья. Сначала раздался грохот, будто кто-то уронил шкаф в коридоре, а следом дверь, выдерживавшая десятилетия больничной тоски, распахнулась с такой силой, словно её вынесли тараном. Она с жалобным треском ударилась о стену, заставив портрет Дзержинского содрогнуться и, кажется, неодобрительно прищуриться.

На пороге, заполняя собой весь проём, стоял он. Полковник Сидорчук. Живое воплощение апокалипсиса в отдельно взятом кабинете.

Он был не просто зол. Он был произведением искусства. Его массивное тело, обычно напоминающее самовар, который слишком долго кипятили, сегодня достигло стадии расплавления. Лицо, пройдя все оттенки от спелого помидора до пугающе-фиолетового, сейчас приобрело цвет грозовой тучи перед концом света.

– ИСТОМИНА!

Его рёв заставил зазвенеть стаканы в шкафу и пройти по кабинету ударной волной. Цветок в углу окончательно поник духом и демонстративно уронил на пол сразу три листа, решив, что с него хватит. Я даже не дёрнулась. Двадцать лет службы в МВД вырабатывают определённый иммунитет к крику начальства. Ты просто воспринимаешь его как фоновый шум, вроде воя сирены или карканья ворон. Я медленно подняла на него глаза, мысленно делая ставки, хватит его удар или он просто ограничится инсультом.

Лиза рядом со мной съёжилась и вжалась в стул так, что, казалось, хотела слиться с его обивкой. Её энтузиазм испарился, уступив место первобытному страху. Даже Коля на секунду замер, и бегущие по экрану его ноутбука зелёные строчки остановились. Он медленно, очень медленно снял ноги с подоконника, словно признавая, что в пищевой цепочке нашего отдела появился хищник покрупнее.

– Мне только что звонил заместитель мэра! – продолжал громыхать Сидорчук, делая шаг в кабинет. Паркет под его ногами жалобно скрипнул, умоляя о пощаде. – Его тёща, будь она неладна, лежит в этом вашем... кружке «Юный поэт»! И она уже надиктовала ему по телефону поэму о пользе клизмы! В трёх частях! С прологом и эпилогом!

Я с трудом подавила усмешку. Поэма о пользе клизмы. В этом было что-то величественное, почти гомеровское. Чёрный юмор ситуации был настолько хорош, что я почти простила Сидорчуку его вторжение.

Полковник тем временем дошёл до стола главврача и обрушил на него свой мясистый кулак, похожий на замороженный свиной окорок. Стол, помнивший, наверное, ещё Хрущёва, крикнул, но выстоял.

– Ты понимаешь, Истомина, чем это пахнет?! – он навис надо мной, и я почувствовала удушающий запах его одеколona и гнева. – Это подрыв авторитета власти! Это дискредитация органов! Завтра эта его тёща напишет сатиру на городскую администрацию, а послезавтра они все хором начнут скандировать антиправительственные частушки!

– Сомневаюсь, товарищ полковник, – спокойно ответила я, глядя ему прямо в глаза. – Судя по симптомам, у них нарушена связь с реальностью, а не с правящей партией. Это медицинский случай, а не политический. «Всяк» для нас, но не статья за экстремизм.

– Мне плевать, какой это случай! – взревел он, снова ударив по столу. – Если через сутки этот ваш Шекспир в больничных тапках не прекратится, я тебе, Истомина, такую рифму к слову «премия» подберу, не обрадуешься! Например, Колыма! Чтобы к вечеру у меня на столе лежал рапорт и фамилия виновного! Мне нужен козёл отпущения! Найди мне его! Отравитель, сектант, иностранный шпион – мне плевать! Главное, чтобы я мог доложить наверх, что виновный найден и понесёт суровое наказание! Всё поняла?!

Он выпрямился, тяжело дыша, и смерил нас всех испепеляющим взглядом. Его глаза остановились на Коле, который уже снова погрузился в свой ноутбук.

– А этот чего тут делает? Опять в свои игрушки играет? Чтобы работал у меня! Чтобы землю носом рыл! Всех на уши поставить!

Не дожидаясь ответа, он развернулся так резко, что полы его кителя взметнулись, как крылья у птеродактиля, и прогромыхал к выходу. Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что с фикуса осыпались последние листья.

В кабинете повисла оглушительная тишина. Было слышно, как где-то в коридоре капает вода и как у Лизы стучат зубы.

Я медленно откинулась на спинку стула, который снова издал свой страдальческий стон.

– Ну вот, – протянула я, глядя в потолок. – Теперь у нас есть дедлайн и высокая мотивация в виде путёвки на курорты Магаданской области.

Коля, не отрываясь от экрана, хмыкнул.

– Поэма о клизме... Сильно. Надо будет в интернете поискать, может, уже опубликовали.

Лиза наконец оторвала испуганный взгляд от двери и посмотрела на меня.

– Светлана Игоревна, что же нам теперь делать?

Я взяла со стола остывший бумажный стаканчик и скомкала его в кулаке.

– То же, что и всегда, Лиза. Работать. Искать того, кто заварил эту кашу. Только теперь – очень, очень быстро. Потому что рифма «Истомина – Колыма» мне решительно не нравится.

Глава 3. Версия Лизы: Проклятие сестры-садистки

– Так, – мой голос прозвучал, как выстрел, и я сама от него вздрогнула. – Детский сад, построились. План действий в условиях, приближенных к апокалипсису. Коля, это твоя стихия. Вскрывать их цифровую изнанку. Мне нужно всё: больничные серверы, личные переписки персонала вплоть до заказов в интернет-магазинах, аккаунты пациентов в «Одноклассниках». Ищи любую аномалию, любую общую точку. Может, они все состояли в тайном обществе любителей кактусов или заказывали одну и ту же проклятую пиццу с грибами. Мне плевать, что это будет, но что-то их должно объединять, кроме койко-места с видом на морг во дворе.

Коля молча, но как-то по-деловому кивнул. На его лице медленно проступила привычная маска скупающего превосходства. Пальцы запорхали по клавиатуре, экран ожил, замерцал зелёными строчками кода. Всё, он ушёл в астрал. В свой уютный мир, где люди – всего лишь наборы данных, а эмоции – досадная погрешность в вычислениях.

– Лиза, – я повернулась к стажёрке, которая, кажется, начала дышать. – А мы с тобой пойдём работать ногами. По старинке. Потрогаем эту реальность руками, а не курсором мышки. Опросим персонал. Только не врачей – эти нам сейчас наплетут про массовую истерию, индуцированный психоз и будут по-своему правы. Нам нужны те, кто реально всё видит и слышит. Санитарки, медсёстры, буфетчицы. Это не просто персонал, это местный телеграф, ходячий архив сплетен и главный источник нефильТРованной информации.

Лиза встрепенулась. Угроза полковника про Колыму, видимо, подействовала на неё отрезвляюще, и в потухших было глазах снова начал разгораться огонёк. Азарт, смешанный со страхом, – лучшее топливо для работы.

Пока Коля погружался в цифровые недра больницы, мы с Лизой отправились в самое сердце этого поэтического вертепа. Коридоры, примыкающие к оцепленному отделению, жили своей жизнью. Здесь пахло хлоркой, пригоревшей овсянкой и той особой смесью лекарств и безнадёжности, которую не спутаешь ни с чем. Мы нашли то, что искали, в крохотной подсобке, заставленной вёдрами, швабрами и профессиональной тоской.

На перевёрнутом ведре, словно на троне, восседала баба Нюра. Местная санитарка, работавшая в этой больнице, кажется, ещё до её официального открытия. Сухонькая, сморщенная, как печёное яблоко, с выцветшими, но поразительно живыми и хитрыми глазками, она была настоящей хранительницей больничных тайн.

Лиза, со всем своим юношеским напором, тут же присела рядом с ней на корточки и завела светскую беседу. Я же скромно прислонилась к косяку, изображая уставший предмет интерьера. Пять минут дежурных жалоб на больные ноги и непутёвую молодёжь, и Лиза плавно, как опытный дипломат, перевела разговор на третье терапевтическое.

Глаза бабы Нюры тут же полыхнули нехорошим огоньком.

– А-а, про стихоплётов-то? – проскрипела она, отхлебнув чай из щербатой кружки. – Как не знать. Это всё Серафимка наша балует. Опять за старое взялась.

– Какая ещё Серафимка? – Лиза вцепилась в наводку, как бультерьер.

– Серафима Глебовна, – старушка заговорщицки понизила голос и оглянулась, хотя в коридоре было пусто. – Медсестра тут была. Давно, лет пятьдесят тому. Зверь, а не баба. У неё больные от страха не то что стихами – на чистой латыни заговаривали. Любила она это дело... мучить. А потом в тетрадочку свою заветную стишки записывала. Про страдания ихние. Как кому ногу отняли без наркоза, как кто от лихорадки в бреду корчится... Говорят, когда померла, её дух так тут и остался. Бродит, неупокоённый, по отделению, ищет, кем бы ещё вдохновиться. Вот, видать, и нашло на неё. Решила не мелочиться, а сразу всё отделение в поэты записать. Мстит, иродова душа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.